

ПЛАТОНОВ ЮРИЙ ПЕТРОВИЧ

доктор психологических наук, профессор, заведующий кафедрой прикладной социальной и организационной психологии Санкт-Петербургского государственного института психологии и социальной работы

PLATONOV Y.

doctor of psychological sciences, professor, head department of the applied social and organizational psychology department of Saint-Petersburg state institute of psychology and social work

ЭЛИТА КАК ВЕРХНИЙ ЭТАЖ ВЛАСТИ

ELITE AS AN UPPER LEVEL OF POWER

АННОТАЦИЯ. Социальное управление детерминировано специфическими особенностями ее субъекта. Формирование страта управленцев в иерархических системах представляет важную социально-психологическую проблему. В статье рассмотрена проблема формирования высшего страта властной иерархии.

ABSTRACT. The author considers social administration as being determined by the peculiarities of its subject. The forming of managers stratum in hierarchial systems is an important socio-psychological problem. The problem of power hierarchy upper stratum forming is also analyzed in the article.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: аристократия, элитократия, элитология, эволюция властных элит, региональные и корпоративные связи, элитарное сознание, можистическая теория, плюралистическая теория.

KEYWORDS: aristocracy, power elite evolution, regional and corporate links, elite consciousness, pluralistic theory.

Значение роли, которую играют элитные группы в процессе разработки, принятия и реализации управленческих решений на региональном, национальном и глобальном уровнях, а также влияние, которое они оказывают на общественный процесс, вызывает неизбежный интерес всех, кто интересуется или профессионально занимается управлением социальными группами, организациями или даже целыми государствами.

В попытках сформулировать целостное определение элиты власти современные авторы, как правило, берут за основу французское слово elite - «отборное», «лучшее» в понимании обществоведов XVIII в. Между тем, этимология этого термина уходит корнями в эпоху Древнего Рима, когда глагол eligere первоначально означал «выдергивать» (сорняки), «искоренять» (дурные привычки).

По мере развития рабовладельческого и феодального обществ, возникла такая разновидность элиты как аристократия.

Аристократия - (of греч. aristos—лучший и Kratos — власть) — Она рассматривалась как:

- форма правления, означавшая власть привилегированных групп общества. В античности аристократия означала власть достойных, наилучших, компетентных и бескорыстных людей;

- часть социальной структуры общества, которая включает в себя людей, занимающих авторитетное положение в обществе, обладающих властью, богатством, влиянием;

- как люди, обладающие определенными чертами поведения, характеризующиеся устойчивыми высоконравственными установками и целями, воспитанные в строго заданном алгоритме норм морали и предписанных правил.

Трактовка аристократии постоянно изменялась по мере развития человечества. В древности аристократия ассоциировалась с родовой знатью. Платон называл аристократию как одну из реально существующих форм правления в Древней Греции (Афинах), когда имеется четкое деление на богатых (правящий класс) и бедных, которые обеспечивают и делают жизнь богатых беззаботной и потребительской. Аристократ же называл аристократию в качестве правления лучших, избранных людей, которые олицетворяют все наиболее рациональное и моральное в обществе. К определенным формам аристократии следует отнести античную Спарту, средневековую Венецию и Геную и в известном смысле власть в Новгороде и Пскове. Постепенно аристократия олицетворяется с классическим, а затем и современным консерватизмом. Ее чертами становятся защита «традиционных устоев», убежденность в незыблемос-

ти ценностей, ориентация на эволюцию в развитии общества и отвержение революционных изменений, кастовости, замкнутости, противопоставлением себя другим социальным группам, вплоть до отказа от допуска их к участию в управлении государством и отрицания права на изменение сложившегося уклада жизни. В XIX в. получила распространение теория «ограниченного» строения общества, согласно которой ему присущи правящая «голова» аристократия и исполняющие «руки» и «ноги». Одновременно развивалась теория «естественного» развития общества, которая придерживалась принципа неизбежности деления общества на тех, кому доверено править, и тех, кто, должен выполнять указания правящего слоя.

Не случайно, поэтому в античной, а затем и христианской традиции понятие элита трактовалось в двойном смысле: быть отмеченным богами (Богом) и быть избранным людьми. Иначе говоря, человек элиты рассматривался как некий идеал без дурных наклонностей и вредных привычек, присущих остальным, незлитным членам социума. Он должен был являть собой образец для подражания современников и модель для воспитания новых поколений.

Таким образом, происходила своеобразная фиксация в социальной психологии объективной тенденции, присущей любому человеческому обществу: дифференциации на активное меньшинство и относительно пассивное большинство, готовое следовать руководящим указаниям лидеров, обладающих качествами, не присущими основной массе.

Большинство элитологов XX в. едины во мнении, что гетерогенность людей по рождению, обусловленная неодинаковым уровнем умственных и физических способностей, дополнялась фактором общественного разделения труда, который вместе с эволюцией государственных институтов требовал профессионализации управленческих функций. Указанный процесс, в свою очередь, формировал элитарное сознание, что приводило к возникновению социальной дистанции между его носителями и рядовыми членами общества.

Наконец, само осуществление функций управления открывало для представителей элиты доступ к занятию статусных позиций, которые помимо права разработки и принятия решений государственной важности давали ее обладателю возможность получать весомые социальные привилегии, недоступные пассивному большинству социума.

Следует отметить, что перечисленные выше условия конституирования элиты были достаточно глубоко и всесторонне исследованы основоположниками современной элитологии Г. Моска, В. Парето, М. Вебером, а также их последователями, как в зарубежных странах, так и в России. Это позволило выработать критерии типологизации элитных групп, обосновать принципы ее рекрутирования и циркуляции на различных стадияльно-формационных отрезках развития цивилизации.

Большинство зарубежных и отечественных авторов, определяют «элиту» как *социальную группу, составляющую меньшинство общества, являющуюся субъектом принятия стратегически важных решений и обладающую для этого необходимым как статусным, так и, в идеале, личностно-профессиональным потенциалом.*

Дефиниция элиты адекватно описывает существенные характеристики, прежде всего *властной* (некоторые авторы предпочитают употреблять термин *властвующей*) элиты, способной выступать реальным автором политического процесса.

Однако такое понимание меньшинства социума, осуществляющего управленческие функции или влияющего на их исполнение характерно для сторонников *монистической* теории элитных групп, в отличие от сторонников *плюралистической* теории элиты. Взгляды последних отражают объективные процессы в индустриальном и постиндустриальном обществах, т.е. новое понимание государственного суверенитета, диффузию властных отношений, стирание различий между правящими «верхами» и массами, возрастание роли так называемых субэлитных общностей. В этой связи отрицается понимание элиты в качестве единой, сплоченной группы и постулируется наличие нескольких базисных социумов, каждый из которых выделяет свою собственную элиту, выражающую его интересы, защищающую его ценности и воздействующую в свою очередь на его развитие. Соперничество элит сопровождается конкуренцией в экономической и политической сферах, отражая «распыление» властных функций между государственными институтами разных ветвей власти и на разных уровнях властной вертикали, испытывающими в свою очередь давление «групп лоббирования». Именно эти группы, или «центры» интересов, и оказываются в такой ситуации подлинными, а не мнимыми субъектами политического процесса.

Плюралистическая трактовка понятия элиты, как постмодернистское понимание «избранного меньшинства» предполагает ее связь с концепцией *демократического элитизма*, значительный вклад в разработку которой внес М. Вебер. Плюралистическая модель позволила рассматривать элитные группы как многомерные социальные образования, характерные для переходной эпохи от индустриального к постиндустриальному обществу устройству.

При всей внешней привлекательности плюралистического подхода, у него есть существенный недостаток - ограничение каналов степени воздействия элитных групп на массы специфическими областями деятельности. Таким образом, даже теоретическое допущение полицентричности элиты в современном обществе лишает само понятие элиты одной из важнейших характеристик – внутренней сплоченности, или гомогенности. Гомогенность властной элиты, определяемая личными связями, общностью стиля жизни, одинаковой системой ценностей, усваиваемых в семье и привилегированных учебных заведениях, играет важнейшую роль при рассмотрении качественных отличий правящих верхов от основной массы населения.

Аналогичная ситуация возникает при дихотомическом сопоставлении элиты центра и регионов в обширном по территории государстве. Исследования последних лет убедительно показали, что отношения между центром и периферией в империи (Россия) или (СССР) были далеки от простого подчинения элит на местах центральным административным органам. Подобно тому, как страны-«клиенты» в отдельные периоды могли воздействовать на государство-«патроны», региональные элиты временами

оказывали влияние на центр в процессе реформирования властных структур. К примеру, одним из решающих факторов распада империй (Российской, Австро-Венгерской, Германской, Османской) явилось поведение периферийных элит, которые стремились к большей автономности (вплоть до независимости) от центральной власти в условиях системного кризиса государственного управления, вызванного Первой мировой войной.

В этой связи заслуживают внимания *проблемы рекрутирования* элитных групп. Хорошо известно, что механизмы формирования и воспроизводства элиты зависят от типа политического режима. В условиях закрытости элит преобладает так называемая *система гильдий*, когда отбор кандидатов на государственные значимые должности осуществляется узким кругом лиц на основе критериев, ими же и сформулированных. Процесс обновления элиты носит замедленный, нерегулярный характер, поскольку вертикальная мобильность в таких системах довольно ограничена.

XX век дал примеры длительного функционирования указанной модели в целом ряде индустриальных государств с тоталитарными или авторитарными режимами. Однако, элементы рекрутирования элит по типу гильдий неизбежно присутствуют в странах с самым либеральным политическим строем, например, в США и Великобритании. «Английская элита, - отмечал известный советский журналист, знаток британских нравов и обычаев В. Овчинников, - рассматривает себя как породистый класс, который под воздействием таких факторов, как наследственность, традиции, воспитание лучше других подготовлен для управления страной, как особый сорт людей, специально предназначенный стоять у кормила власти». «Образ жизни старой земельной аристократии остался в Англии непререкаемым идеалом. Промышленная и коммерческая элита не создала, да и не пыталась создавать собственных традиций. Новые города не влекли к себе ни тех, по чьей воле они родились, ни обитателей загородных поместий».

Рыночная экономика предопределяет иной тип рекрутирования элиты - так называемую *антрепренерскую систему*, основу которой составляет конкурсный отбор и регулярное обновление состава элитных групп. Именно они обеспечивают больший динамизм, гибкость и легитимность элитам развитых демократий, скрадывая социальную дистанцию между управляющим меньшинством и управляемыми массами. Преобладание антрепренерской системы порождает дифференциацию элит, которая в свою очередь дает основание исследователям говорить об их функциональной плюрализации. Достоинства антрепренерской системы - прежде всего открытость - компенсируются недостатками, а именно: высокими рисками отбора, непрофессионализмом новичков в государственных структурах, неустойчивостью внутренней композиции элитных групп.

Большинство современных элитоведов, в частности Е.Ю.Сергеев (2009) справедливо полагают, что в реальной практике обе системы рекрутирования элит дополняют друг друга, а степень преобладания элементов одной из них над другой определяется историческим опытом государств и конкретной ситуа-

цией. Так, например, экстремальные обстоятельства военного времени заставляют использовать систему гильдий, исключая тем самым приход на руководящие посты властной вертикали случайных лиц. В то же время отдельные периоды смягчения политического режима даже в партократических государствах («хрущевская оттепель» в СССР, «Пражская весна» в Чехословакии) способны привести к ускорению циркуляции элит, что вызывает к жизни методы антрепренерской системы.

С этой точки зрения, показательными выглядят периоды революционных преобразований, когда происходит разрушение традиционного «сита» селекции элиты и механизмов ее ротации. Сквозь возникшую «брешь» на ведущие посты властной вертикали проникает значительное количество бывших маргиналов или представителей так называемой контрэлиты (якобинцы во Франции, большевики в России), которые создают новое «сито». Однако, по справедливому замечанию П.А. Сорокина, часть выходцев из прежних правящих слоев также участвуют в процессе формирования новой элиты, которая постепенно приобретает классический вид пирамиды с вершиной из управляющего меньшинства и основанием из управляемого большинства. (Блестящая иллюстрация – элита Империи Наполеона Бонапарта).

При изучении вопроса рекрутирования элит в постиндустриальную эпоху, следует обратить внимание на «горизонтальное» направление этого процесса. Речь идет о дихотомическом единстве центра и периферии не только одного государства, но и надгосударственных образований, примером которых служит Европейский союз. В нем процесс циркуляции элиты вышел за традиционные границы национальных суверенитетов, приобретая новое качество межгосударственной ротации высших управленческих кадров.

Изучение проблемы элитарного сознания дает уникальную возможность прояснить самоидентификацию элитных групп и оценку их аутсайдерами, определить социальную дистанцию между референтными группами и массами, выявить ориентиры и границы эволюции элитарного сознания в условиях господства массовой культуры.

Изучение элиты сегодняшнего дня немыслимо без анализа компонентов ее образа жизни. Это позволяет не только понять современные тенденции общественного развития, но и прогнозировать будущее состояние социумов. Однако на пути к адекватному пониманию социальной психологии элиты возникает существенная трудность, поскольку в отличие от исторических типов элит («крови», «мантии», «богатства») она еще не сформировалась. При этом мы неизбежно сталкиваемся с феноменом «псевдоэлитности», которая означает аберрацию реальности, т.е. ложное восприятие тех или иных социальных групп в качестве референтных групп - ядра формирующейся властной элиты. Ситуацию осложняет то обстоятельство, что сопоставление отдельных элементов сознания исторических элит с сегодняшними представлениями о морали и нравственности отнюдь не всегда проводится корректно. Если у Н. Макиавелли чувство нравственного достоинства выступало императивной чертой сознания представителя элиты,

то современные специалисты, использующие социологические опросы, склонны придавать первостепенное значение чувству общественного долга, характерному для выходца из элиты, которое, однако, трактуется ими как осознание своих привилегий, связанных со статусом в обществе.

Изучение структуры элитарного сознания дает некоторым исследователям основание проводить дифференциацию между элитой социального статуса, для которой кажутся приемлемыми социологические параметры (например, статус), и духовной элитой, являющейся носителем неких высших культурных ценностей, что соответствует подлинной природе элитарного, т.е. совершенного, бытия.

При этом вопрос о соотношении элитарного и массового типов сознания решается через оценку приблизительного количества людей, действия которых могут претерпевать модификацию под влиянием лиц, принимающих решения.

Отдельная проблема элитологии состоит в рассмотрении особенностей эволюции властных элит России. Исследователи сталкиваются здесь с целым рядом трудностей объективного характера.

- во-первых, наша страна является мультиэтничным и поликонфессиональным государством, имеющим значительную региональную специфику. И это обстоятельство препятствует строгой компаративной интерпретации полученных данных;

- во-вторых, на протяжении всего XX в. происходило становление понятийно-категориального аппарата элитологии, которое не завершилось и сегодня. Вполне понятно, что сам процесс разработки нового направления гуманитарных исследований резко контрастировал с уже застывшими принципами марксизма;

- в-третьих, в России (СССР) практически не занимались изучением элиты своей страны. Таким образом, после оригинальных работ В.О. Ключевского с идеей «сословной циркуляции», и П.А. Сорокина с теорией «головастиков» в отечественных исследованиях этой проблематики наступил длительный перерыв.

Крах прежней системы ценностно-поведенческих ориентации открыл перспективу складывания новой постиндустриальной, постмодернистской модели элитарного сознания. Его характерными чертами стали открытость восприятия иных взглядов, мнений, плюрализм оценок и суждений, резко возросшая информированность о событиях в стране и мире, осознание глобальных проблем, демократизм и гуманизм.

В то же время позитивные процессы сопровождались не просто консервацией, но воспроизводством на новой исторической почве некоторых характеристик, присущих советской номенклатуре периода «застоя». И это вполне объяснимо, прини-

мая во внимание статистические данные по демократической элите нашей страны, которая (элита) на 60-70% состоит из бывших представителей партийной, комсомольской, военной и хозяйственной номенклатуры второго-третьего эшелонов, причем не только в центре, но и, возможно, в большей степени на местах. Таким образом, социально-политические реалии сегодняшнего дня вновь убедительно подтвердили вывод Н. Макиавелли о вхождении части старой элиты в новую.

Наиболее заметным образом негативные тенденции генезиса постсоветской элиты проявились в контексте социальной психологии. У части ее представителей наблюдается синдром «утраченного имперского величия», который осложняется поиском все новых и новых врагов у себя дома и за рубежом. Вкупе с этой чертой элитарного сознания отмечается социальный инфантилизм, доминирование личных и клановых интересов над общегосударственными, игнорирование вечных духовных ценностей в угоду сиюминутным ориентирам.

Неоднородность российской региональной элиты проявляется и в ее ценностной ориентации. Если либеральная элита преобладает в крупных индустриальных мегаполисах, то консервативная по своим взглядам элита характерна для небольших городов периферии и приграничных районов, а социалистическая - для городских центров так называемого «красного пояса», существенно сократившегося за последние годы.

Отмеченная неоднородность элиты России начала XXI в. определяет еще одну ее особенность - слабость внутренних корпоративных связей между отдельными звеньями. Постоянная борьба различных кланов в центре и на местах тормозит выработку властной элитой консенсуса относительно целей России во внутренней и внешней политике.

Наконец, свой отпечаток на процесс конституирования новой, постиндустриальной элиты влияет гипертрофированная, догоняющая модернизация страны, непоследовательное проведение которой связано с колоссальными политическими, экономическими и духовными издержками.

Перед элитологами стоит целый ряд проблем, это:

- определение роли и места элитных групп в глобализации, гармонизация интересов властной элиты в центре и регионах;

- установление каналов обратной связи между элитой и остальными членами формирующегося гражданского общества;

- развитие процесса рекрутирования элит в эпоху «экономики знаний»;

- изменение роли субэлитных и контрэлитных сообществ в условиях новых вызовов и угроз.

1. Платонов Ю.П. Социальная психология власти. - СПб., 2009. - 518 с.
2. Платонов Ю.П. Путь к лидерству. - СПб., 2006. - 348 с.
3. Сапронов П.А. Власть: прошлое и будущее. - М., 2008. - 248с.
4. Халипов В.Ф. Кратология - наука о власти. - М., 2002. - 367 с.
5. Шалталов Б.Н. Феномен государственного лидерства экспансия в мировой истории. -М., 2008. - 656 с.
6. Элиты и лидерство: традиционализм и новаторство/ [Отв. Ред. Е.Ю. Сергеев] - М., 2007. - 384 с.